

Глава 16. Разводной ключ в животе

Как только тело старухи окончательно погрузилось в объятия смерти, приборы в палате интенсивной терапии отозвались истошным, режущим слух воем. Дремавшая у стены медсестра подскочила как ужаленная. Увидев сорванную маску кислородного аппарата, она в ужасе прижала ладони к губам:

— Госпожа... Госпожа!.. Врача! Срочно врача!

Она лихорадочно забила по кнопке экстренного вызова. В палату ворвалась толпа медиков, а следом за ними — безупречно одетые дети и внуки покойной. Они пронеслись прямо сквозь призрачное тело Чжун Учуаня, стремясь к постели, пока не обступили её плотным кольцом, скрыв из виду капельницы и мониторы.

Чжун Учуаня никто не замечал. Выходец из иного мира, он застыл посреди этого хаоса, чувствуя себя бесконечно чужим и растерянным.

В этот момент чья-то рука — мягкая, с длинными тонкими пальцами — коснулась его плеча. Он уверенно сжал руку Чжун Учуаня и резким рывком затянул его обратно в кабину лифта.

Головокружение от пространственного перехода на миг перехватило дыхание, но стоило Чжун Учуаню разглядеть лицо спасителя, как недомогание улетучилось.

Лю Сянцзэ. Тот самый «ледяной» менеджер из отдела сетевых технологий.

— Менеджер Лю? Но как вы узнали...

— Фокусы этого лифта — секрет Полишинеля в компании «Шаньхай», — сухо бросил тот.

Лю Сянцзэ отступил в сторону, открывая обзор. Глянцевые, зеркальные до последнего винтика стены кабины внезапно превратились в экраны. Теперь перед Чжун Учуанем разворачивался калейдоскоп человеческих драм, бушующих в той самой палате.

Там плакали все. Но причины у этих слёз были разительно непохожи.

Кто-то оплакивал свою карьеру, на которую теперь ляжет тень; кто-то прикидывал, не затаскают ли его по судам неугомонные родственники; а кто-то и вовсе сокрушался, что «дойная корова» всё-таки испустила дух...

Конечно, среди этого сброда нашлись и те, чьё горе было искренним, но их тихие слёзы тонули в море фальшивых, надрывных воплей.

Чжун Учунань болезненно сжался.

— Все эти люди не жалели денег и сил, чтобы удержать её на пороге смерти, наплевав на её собственную волю... Почему же сейчас почти никто не может пролить по ней хоть одну честную слезу?

— Потому что у постели занедужившего старика не бывает преданных сыновей. Даже между самыми близкими процветает голый расчет. Они цеплялись за её жизнь лишь потому, что живой она стоила куда больше, чем мертвой.

Слова Лю Сянцзэ были холодными, как лед. Чжун Учунань вздрогнул.

— Неужели там нет ни одного человека, который любил бы её по-настоящему?

Лю Сянцзэ усмехнулся.

— Может, и есть. Но его в этой комнате точно нет.

Чжун Учунань замолчал. Глядя на экраны, он некоторое время наблюдал за этим трагифарсом, а затем решился спросить:

— Менеджер Лю, как вам удалось вытащить меня оттуда? И... что это было? То, что затащило меня в палату?

— Жаньюй. Рыбье тело, змеиная голова и шесть ног. Глаза у него — точь-в-точь лошадиные уши. Если вкусить его плоти, перестанешь видеть кошмары, а сам он способен отвращать беду.

Бросив эту странную справку, Лю Сянцзэ просто вышел из лифта.

Чжун Учунань несколько секунд переваривал услышанное, после чего опомнился и бросился вдогонку, выкрикивая в пустой коридор:

— Менеджер Лю! Пойдите! Что ещё за Жаньюй? Почему он... Вы не могли бы объяснить?.. Где он? Куда он делся?!

— Менеджер Лю ушел минут десять назад, — любезно подсказала проходящая мимо медсестра. — Доктор Чжун, мне догнать его и вернуть?

Чжун Учунань густо покраснел.

— Нет... нет, не нужно...

— Уверены?

Медсестра посмотрела на него с явным сомнением. Чжун активно закивал:

— Да, уверен. Совершенно ни к чему.

— Ну, как знаете.

Она взглянула на часы и добавила:

— Доктор Чжун, уже поздно. Вам пора возвращаться к себе.

— Возвращаться...

Только сейчас Чжун Учунь понял, что на часах уже восьмой час вечера.

Он числился ночным врачом, и его смена обычно начиналась в пять вечера, достигая пика к полуночи. Однако в последнее время из-за того, что его тело временно уменьшилось, ему требовалось вдвое больше отдыха для восстановления. Поэтому У Хуан милостиво скорректировала его график: с семи до одиннадцати вечера, а остальное время — свободное посещение.

Конечно, в зарплате он не потерял. Поговаривали, Госпожа У считала его нынешний облик невероятно милым и решила, что он может подрабатывать «талисманом» клиники по совместительству.

«Но я — взрослый мужчина! Нужно вернуть прежний вид как можно скорее», — с этой решительной мыслью Чжун Учунь, расправив плечи, вошел в свой кабинет.

К десяти часам вечера в клинике воцарилась идеальная тишина. Чжун Учунь надеялся, что и эта ночь пройдет без приключений. Достав телефон, он открыл приложение для чтения, решив скоротать время за книгой.

Хотя сетевая литература с самого своего рождения носила клеймо «мусорного чтения», развращающего умы, и редко отличалась глубиной или достоверностью, для убийства времени она подходила идеально. В последнее время Чжун Учунь зачитывался романом под названием «Городской бог медицины».

Сюжет был классическим: главный герой, деревенский паренек, на деле оказывался

наследником древнего мастера. Знаток традиционной медицины, мастер боевых искусств, адепт цигуна и знаток метафизики — он обладал всеми талантами, положенными герою жанра.

Более того, у него имелось чудесное личное пространство с источником духовной силы. Любое редчайшее растение, стоило замочить его в этой воде, начинало расти со скоростью сорняка, а день в пространстве равнялся году в реальном мире.

С таким набором «читов» герой предсказуемо шел к успеху: красавицы вешались ему на шею, сильные мира сего набивались в братья, а недоброжелателей он раскидывал, как кочаны капусты.

Несмотря на то что медицинская часть была написана с вопиющим пренебрежением к науке, Чжун Учунь, пересилив себя в первых главах, неожиданно втянулся. В конце концов, это было идеальное чтиво для разгрузки мозга.

В реальности врачи не могли позволить себе такую дерзость — просто размазывать по стенке каждого встречного хама.

«Вот разбогатею, выкуплю целый этаж под офис, — мечтал он, — посажу у входа чемпионов по боксу, а за спиной поставлю лучших адвокатов. И буду лечить людей с достоинством, под надежной защитой...»

Пробормотав эти нелепые фантазии, Чжун Учунь внезапно услышал стук в дверь.

— Доктор... Вы здесь?

Помня о прошлых злоключениях, Чжун Учунь не спешил отвечать. Он набрал внутренний номер регистратуры:

— Медсестра Ли, к моему кабинету кто-то направлялся?

— Да, только что отошел один. Мужчина, лет тридцати, в рубашке с питоновым принтом. Лицо... скажем так, суровое.

Медсестра внезапно замялась. В этот момент стук стал настойчивее.

— Доктор Чжун! Вы там? Открывайте!

— Медсестра Ли... Продолжайте, — поторопил её Чжун Учунь.

— Пациент непростой, — зашептала она. — Физически он здоров, но страдает навязчивой

идеей. Утверждает, что у него в животе застрял разводной ключ. Еще в холле начал скандалить, требовал немедленно везти его в операционную, чтобы вскрыть брюхо и достать инструмент...

«Понятно...»

С подобным случаем Чжун Учунь сталкивался еще в годы интернатуры. Тому пациенту было за пятьдесят, и он свято верил, что внутри него живет кошка. Он требовал сделать ему кесарево сечение, чтобы «разродиться» пушистым питомцем.

Пациент был настолько упрям, что даже психиатры опустили руки. В итоге больница пошла на хитрость: его отвезли в операционную, дали наркоз и провели имитацию операции, вынеся ему после пробуждения двух настоящих месячных котят.

Глядя на то, с какой нежностью мужчина прижимал к себе «кошачьих сыновей», наставник Чжун Учуня тогда заметил: «Жизнь — штука загадочная. Иногда вещи становятся реальными лишь потому, что ты в них веришь. А порой они существуют, даже если ты в них не веришь вовсе».

Тогда Чжун Учунь счел это просто философским замечанием опытного врача. Теперь же, столкнувшись с миром «Шаньхай», он разглядел в этих словах пугающую мудрость. Существа из «Канона гор и морей» были именно такими: они реальны, веришь ты в них или нет.

Жаль только, что осознал он это слишком поздно, когда увяз уже по самые...

— Доктор Чжун, почему вы не открываете?

Мужчина, подозревающий у себя «инструментальную» беременность, снова затарабанил в дверь. Чжун Учунь, поняв, что имеет дело с обычным, как ему казалось, ипохондриком, расслабился. Он подошел к двери и распахнул её.

— Простите, пришлось отлучиться в уборную. Проходите, присаживайтесь.

— Надо же, врачи тоже люди, тоже в туалет ходят. Извините за грубость, — бросил мужчина.

Тон незнакомца так и просил кирпича, но, учитывая специфику заведения, Чжун решил не лезть на рожон.

— Садитесь. Карточка при себе?

— Нет. Можно я так, на словах?

Чжун кивнул.

— В общем, три дня назад началось, — рассказал человек в «питоне». — Живот тянет, мочи нет. Ем — больно, сплю — больно, сижу — опять больно. Подозреваю, давеча за обедом не доглядел и ключ разводной заглотил.

«Заглотил ключ... И какого размера был этот ключ?» — мысленно вздохнул Чжун.

Спорить с такими больными — себе дороже, а этот субъект выглядел достаточно крепким, чтобы превратить кабинет в руины в случае несогласия.

Мужчина заметно воодушевился.

— Наконец-то! Хоть один врач мне поверил! Я же чувствую: он там, внутри! Ключ этот... Потому и болит всё. Доктор, голубчик, помогите... Нет больше сил терпеть эту муку...

— Я врач и сделаю всё, что в моих силах. Но вы должны понимать: просто так, незаметно, проглотить разводной ключ невозможно.

Чжун Учунань говорил с ним мягко, словно успокаивал капризного ребенка.

— Ну почему же невозможно? — возразил пациент. — Вот смотрите...

Он внезапно разинул рот. Челюсти разошлись с жутким хрустом, растягиваясь до неправдоподобных размеров, пока пасть не стала напоминать змеиную — огромную, способную проглотить человеческую голову целиком.

Чжун Учунань на мгновение замер.

Благо, за время работы здесь он насмотрелся на всякое. Увидев эту кошмарную трансформацию, он лишь глубоко вдохнул и ровно произнес:

— С такой пастью... Да, пожалуй, ключ вы могли проглотить без труда.

Мужчина захлопнул рот, мгновенно вернув себе облик обычного человека.

— Доктор, — с надеждой спросил он, — я буду жить?